ВЫДЕРЖКИ ИЗ ИНТЕРВЬЮ С ВЕТЕРАНАМИ SS-WAFFEN (2)

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

WILHELM HILLEN

SS-Obersturmführer

1-я Бронетанковая Дивизия Leibstandarte SS Adolph Hitler

Происшествие на Восточном Фронте

Наступает Рождество 1943 года. За окном бушует вьюга, завывает ветер. Дверь ходит взад-вперед и отбивает свой ритм. Хочу продрать глаза, но нет сил. Дверь снова стучит – ну хоть кто-нибудь закроет ее по-плотнее?!

Тут часовой грубо растолкал меня с криками: «Унтершарфюрер, Иваны!» В одно мгновение это вернуло меня к реальности: я не в кровати у себя дома, а в блиндаже Эстонской Добровольческой Бригады, к востоку от озера Пейпус (*Peipus - немецкое название Чудского озера – ВК*). То, что во сне казалось мне воем пурги, было воем падающих снарядов, а стук неплотно закрытой двери – разрывы совсем рядом с нашими позициями. Это была артподготовка перед атакой русских, которые прорвали нашу линию обороны... Мы отбили эту атаку русских, но после ожесточенного рукопашного боя. В этом бою я был ранен в правое колено осколками ручной гранаты. Через несколько дней колено раздуло из-за попавшей в него инфекции, и командующей боевой группой (kampfgruppe) гауптштурмфюрер СС Зервет (Servet) отправил меня в госпиталь на грузовике для подвоза боеприпасов.

Главным хирургом госпиталя оказался эстонец - доктор Поуль Эсоп (Poul Esop) – человек гигантского роста с громоподобным голосом и с добрейшим сердцем. Он работал круглыми сутками, оперируя и присматривая за ранеными. Он был нам как отец и находил доброе слово для каждого. Во рту у него всегда была трубка, а водку он пил полными кружками. Я навсегда запомнил его глаза: они были серо-голубыми как вода в горном озере. Я пробыл в госпитале 10 дней, и за это время мы стали хорошими друзьями.

За два дня до Рождества наша боевая группа была отведена с позиций. Очистившись от вшей, отмывшись, попарившись в бане и побрившись, мы вновь почувствовали себя людьми. Я решил пойти повидаться со своим другом Поулем. Он приветствовал меня хлопком по плечу, что едва не сбило меня с ног. Затем он спросил меня, не смогу ли я проводить его до одной удаленной фермы, где ему предстояло принять роды – он собрался ехать туда на санях. Поскольку в районе действовали партизаны, он предупредил меня, что поездка будет сопряжена с опасностями, однако я согласился. Я получил разрешение у своего ротного командира, который приказал унтершарфюреру Тедеру (Teder) и связисту – роттенфюреру Микельсару (Mickelsar) ехать со мной.

Мы забрались в сани тронулись в путь. Было зверски холодно, и несмотря на то, что мы были одеты в меховые шубы и валенки, мороз постепенно пробрал нас до костей – особенно замерзли при этом пальцы. На ферме нас тепло встретила пожилая жена хозяина. Она была счастлива тем, что ей предстояло стать бабушкой в канун Рождества. Незадолго до полуночи мы услышали первые крики новорожденной девочки. Поуль показал нам ее, полный радости от появления новой жизни в этот священный вечер...

На рассвете мы тронулись в обратный путь. Поуль дремал, Микельсар держал вожжи, а Тедер и я внимательно смотрели по сторонам. Лес был на редкость тихим, и единственными звуками, нарушавшими спокойствие, были топот копыт и фырканье лошадей. Время шло, и наше воображение заполнили приятные мысли об ожидавшем нас теплом пристанище. Вот тогда-то все и случилось: загремели выстрелы, грохнул разрыв гранаты. Тедер и я спрыгнули с саней в глубокий снег. Лошади в панике рванулись вперед. Затем вновь стало тихо. Мы залегли в снегу, услышали треск ломающихся сучьев где-то позади нас, но не смогли ничего разглядеть. Я почувствовал, как струйка теплой крови побежала вниз по моей шее: осколок гранаты попал в меня где-то рядом с позвоночником. Прошло два часа, и нас подобрала колонна армейских грузовиков, возвращавшихся с передовой.

В день Рождества эстонские полицейские нашли в лесу перевернутые сани и тела Эсопа и Микельсара – оба с пулевыми ранениями в груди. У моего друга Поуля, всегда носившего нарукавную повязку с красным крестом, было перерезано горло. Меховые шубы, часы, валенки, набор медицинских инструментов – все было утащено. Вот так близко жизнь и смерть бродили на Восточном фронте...

Солдаты дивизии Adolph Hitler на Восточном фронте. Лето 1941 г.

Печальный визит

Военный врач организовал для меня временное назначение в Данию в качестве офицера по благотворительной деятельности среди местного населения. Должность подразумевала нахождение в Копенгагене, где мне предстояло провести 6 недель в период моего выздоровления. Если бы я знал, что ожидало меня здесь, я бы отбивался от этой должности как только мог.

Я доложил о своем прибытии штурмбанфюреру СС Бергеру. Он описал мне круг моих задач, и почувствовал слабость в животе несмотря на отличный завтрак, которым меня попотчевали. Я получил задание сообщать датским семьям о гибели их близких родственников-военнослужащих *Freikorps Danmark*. Датчанин – обершарфюрер СС – был придан мне в качестве шофера и переводчика.

Мне предстояло посетить в районе Hadersleben/Aperade семью, проживавшую на ферме. Я по сей день помню этот визит. Все четыре сына семьи фермеров служили в корпусе, и трое из них этому времени уже были убиты. Моим долгом было сообщить родителям, что их четвертый сын тоже сложил голову...

Это происходило в ясное воскресное утро. Небо было голубым, и кукурузные поля вокруг фермы отливали золотом. Я прослонялся возле фермерского дома около часа, стараясь набраться храбрости, чтобы подойти к двери. Даже в своем окопчике, в России, я ни разу не чувствовал себя так отвратительно, как в этот момент. Так или иначе, я собрался с силами и постучал в дверь. Появилась хозяйка, крупная блондинка, которая проводила меня в большую гостиную. На стене я увидел фотографии четырех парней в эсэсовской форме. Три фотографии были с черными ленточками в одном из уголков, с рамок свисали их Железные Кресты. Я просто не знал, как выразить словами то, что мне нужно было сказать. У меня и сегодня перед глазами стоит эта женщина, сраженная горем. Она не разрыдалась, когда я передал ей печальное известие, но за считанные минуты ее лицо постарело на несколько лет. Для меня она осталась олицетворением матери-героини, жертвы которой не могут быть компенсированы наградой или медалью. Сразу же по возвращении в штаб я доложил о том, что совершенно здоров и готов к возвращению на фронт. Вскоре я был на пути к фронту, в Эстонию…

LEO WILM

SS-Oberscharführer

3-я Бронетанковая Дивизия SS Totenkopf

Отношение к русским

Во время моего пребывания на Восточном фронте я часто помогал раненым русским солдатам, да и в бою брал русских в плен. Мне никогда и в голову не приходило проявить жестокость по отношению к ним. Мы предлагали взятым в плен русским сигареты, похлопывали по плечам, чтобы успокоить и привести в чувство.

Все было именно так и по отношению к гражданскому населению. Как-то в Южной России, например, я увидел в первый раз вишни на дереве (определенно, мы не видели вишен в северной или центральной частях Восточного фронта). Я подошел к русской женщине, которой принадлежали вишневые деревья, и попросил разрешения взять немного вишен. В обмен я дал ей хлеба. Разумеется, я мог просто набрать вишен, но нас могли довольно сурово наказать за мародерство. Я даже припоминаю, как пожилая русская женщина поцеловала меня в ногу в знак благодарности за то, что я помог каким-то русским. Когда мы оказались в плену, все было по-другому. У нас отобрали все: деньги, часы, все, что попало под руку. Но, как сказали бы наши политики, это - другое дело. Они были нашими «освободителями»...

Раненые солдаты дивизии SS Totenkopf на Восточном фронте

Вообще, что касается моего отношения к противнику, я могу сказать, что все они - русские, британцы, американцы - выполняли свой долг. Если говорить о жестокости, то русские и поляки окажутся в верхней части списка. Победители наказали немцев, но забыли о своих собственных преступниках. Ну, вспомните, хотя бы, о лейтенанте Уильяме Колли, который уничтожил жителей целой деревни во Вьетнаме. Тем не менее, я не ставлю перед собой задачу говорить о военных преступлениях американцев. У военного времени свои законы, однако, эти законы нельзя применять по отношению только к одной стороне...

GERD ROMMEL

SS-Rottenführer

10-я Бронетанковая дивизия SS Frundsberg

Побудительные мотивы

В то время я больше всего хотел попасть в танковые войска. В 1942 году новичков направляли, в основном, в артиллерию ПВО или в пехоту. Вступая в SS, я получал шанс стать танкистом. У меня не было абсолютно никаких политических мотивов...

Обучение

Обучение было действительно тяжелым испытанием, особенно в дивизиях, которые формировались на позднем этапе войны, например, в 10-й Бронетанковой Дивизии SS *Hohenstaufen* и в 12-й Бронетанковой дивизии SS *Hitlerjugend*. Это были последние дивизии, которые смогли для боевой подготовки использовать относительное спокойствие на западе до вторжения союзников в июне 1944 года. Эти подразделения получили наиболее современное вооружение и снаряжение, и именно поэтому командование ожидало очень много от вступления этих дивизий в боевые действия.

В плену у русских

Я провел в плену у русских четыре с половиной года. В лагере было около 9000 человек, и на всех был только один врач. Он был евреем. Если бы он не был нашим врачом, умерло бы гораздо больше народу. Этому человеку нужно поставить памятник. Однажды во время медосмотра я спросил у него, где он научился так хорошо говорить по-немецки. Он ответил, что учился в Германии, и там к нему очень хорошо относились. Само собой, он знал, что я служил в Waffen-SS...

О репутации войск СС, о войне и ее результатах

Прежде всего, я считаю, виноваты СМИ, которые не далали различий между Waffen-SS и силами безопасности. Кем был Эйхман, кто занимался избиением евреев? Это были люди из SS-Algemeine, но их ставят на одну доску с нами! Просто спросите солдат, которые воевали против нас. Фронтовики, сражавшие против нас, знают, какими солдатами был Waffen-SS, возьмите, например тех, кто сражался против нас при Арнеме! (*Роммель имеет ввиду то, что раненые под Арнемом в сентябре 1944 года британские десантники после того, как им была оказана первая помощь, были эвакуированы в тыл раньше, чем раненые эсэсовцы. После войны британцы прислали благодарственное письмо офицерам, командовавшим германскими частями во время этих боев – GW*).

По моему мнению, каждый, кто сражался на фронтах Второй Мировой войны, сражался за свою родину, за свою семью, за своих детей с твердым убеждением в правоте своего дела. Что из этого вышло? Мы прошли через все это: через голод, страдания и лишения. Так было во время ВМВ и всех военных конфликтов, вспыхивавших по всему миру со времени ее окончания. По сей день так и не случилось войны, которая принесла бы те результаты, на которые рассчитывали политики, развязавшие войну... Так было, когда воевал я, все происходит так же и сегодня.

Солдаты дивизии SS Frundsberg в атаке. Восточный фронт
(https://www.pinterest.com/pin/319474167296297567/)

RAYMOND LEMAIRE

SS-Standartenoberjunker

SS Freiwilligen Sturmbrigade *Langermarck*

В Черкасском котле

Будучи сержантом, я добровольно вошел в состав саперного взвода, так как в этом взводе служили только добровольцы. Обучение проходило в Дрездене, и нам пришлось нелегко. Я вернулся в свою часть в октбяре 1943 года, и в ноябре нас перебросили к линии фронта, в Черкассы. Нам, саперам, пришлось занять позиции, которые предназначались пехотинцам, просто для того, чтобы держать оборону. После многочисленных стычек и боев, я остался последним сержантом во взводе! Однако, бои продолжались, и к 26 января 1944 года мы были полностью окружены в Черкасском котле вместе с дивизией *Wiking*. Всего в котле оказалось около 60 000 солдат и офицеров.

Русские атаковали наш сектор фронта 30 января, но через два часа рукопашного и ближнего боя мы отбили их атаку. Однако, я получил серьезное ранение в обе ноги осколками ручной гранаты. Поскольку я не мог идти, через несколько часов меня эвакуировли на самолете. После этого я провел 8 недель в госпитале, а затем получил 3-хнедельный отпуск. Моя часть сумела вырваться из окружения, однако за период времени с конца ноября 1943 года до 17 февраля 1944 года погибло около 700 человек из 2000 сражавшихся на этом участке фронта валлонов...

Добровольцы бригады Langemarck в Бельгии незадолго перед отправкой на Восточный фронт (декабрь 1943 г., https://www.tumblr.com/search/langemarck)

Финал

1 апреля 1945 года я вернулся в дивизию *Wallonien*, занимавшую оборонительные позиции на р. Одер. Я прибыл вовремя, чтобы принять участие в последнем грандиозном отступлении. Несколько моих французских товарищей ушли, чтобы принять участие в обороне Берлина, и все там погибли. Мы капитулировали в районе города Шверин 5 мая 1945 года.

В сентябре меня отправили в Бельгию, а в мае 1946 года я и мой отец (он служил со мной в одной части) были приговорены к смертной казни. Тем не менее, смертный приговор был отменен в начале 1947 года, и, в итоге, в августе 1950 года я был освобожден. Мой отец находился в заключении еще два года после моего освобождения.

По книге Gordon Williamson. Loyalty is my Honour (Моя Честь – Верность). London, 1995

KONRAD (настоящее имя неизвестно)

SS Sturmann

2-я Бронетанковая Дивизия SS *Das Reich*

В начале пути

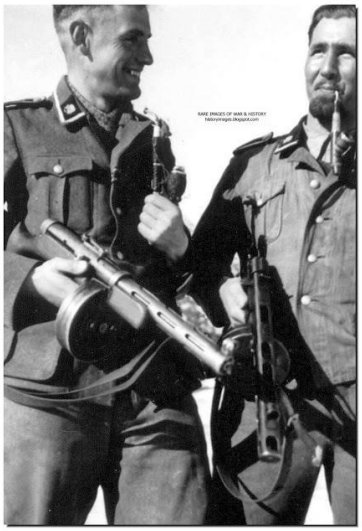
Я родился в Берлине в 1924 г. Моя семья происходит из Пруссии, и мой отец в свое время служил в кайзеровском гвардейском полку и воевал на фронтах ПМВ. В 16 лет, получив разрешение от отца, я предпринял попытку вступить в полк *Der Fuhrer*. 40 человек из 500 и я в том числе прошли отбор, так как соответствовали предъявляемым требованиям к генеалогии и физическим кондициям.

Окончив базовую подготовку в городке Radolfzell, я получил назначение в Голландию, в расположение полка *Der Fuhrer*, где начал службу в инженерном взводе, в который по штату входили сержант, старший капрал и 8 рядовых. Все военнослужащие взвода были обстрелянными фронтовиками с военным стажем не менее двух лет. Я был одним из самых младших во всем полку. Боевая подготовка по прибытии в полк стала даже более интенсивной, чем в учебной части. Нас готовили и как пехотинцев, и как саперов. Мы учились стрелять из всех видов оружия и стали экспертами в подрывном деле. Наш взвод был частью батальона и в бою должен быть поддерживать пехоту.

Полку полагалось иметь колесно-гусеничные вездеходы и грузовики *Opel Blitz*, однако, на протяжении большей части войны только 1-й батальон имел вездеходы – остальные подразделения передвигались на грузовиках. Должен заметить: всю войну нам очень много приходилось топать пешком. Все, что можно, мы оставляли в наших грузовиках, часто там же оставались наши сумки с противогазами, *Brotbeutel* (*хлебный подсумок – ВК*) и все то, что могло издавать шум на передовой.

Восточный фронт

В июне 1941 наш полк был дислоцирован неподалеку от Лодзи (Польша). Слухов о предстоящем вторжении в Россию становилось все больше, при этом военнослужащие стали получать инструкции о типах униформы в Красной Армии, о советских танках и другой военной технике. Я относился ко всему этому настороженно, так как мой дядя во время ПМВ попал в плен к русским и вернулся домой после побега через Сибирь в Китай только в 1921 г.



В начале войны в нашей части служили лучшие парни Германии, которым пришлось пройти через многое, чтобы встать в ряды этой дивизии. Но по ходу войны к нам стали приходить люди, которые уже были не добровольцами, а рекрутами, набранными или переведенными из других родов войск. В 1943-м к нам пришло много новичков из Эльзас-Лотарингии и из Страсбурга и Фогезена. Мы же старались укомплектовывать 1-е роты батальонов ветеранами-немцами, а недавних рекрутов отправляли во 2-е и 3-е роты или просто в батальоны поддержки. Мы просто считали, что первыми в бой должны будут идти опытные ребята...

В начале русской кампании я был вторым номером пулеметного расчета, и мне приходилось таскать две коробки с лентами и два запасных ствола. Позднее, когда я стал командиром отделения, у

меня был автомат *MP40*, хотя я и мои товарищи часто выбрасывали немецкие автоматы и предпрочитали им трофейные ППШ. Вообще, сразу же после начала операции *Barbarossa* я и мои товарищи были поражены тем, насколько лучше были техника и снаряжение русских по сравнению с нашим (на фото слева – эсэсовцы с трофейными ППШ).

В июле 1941 г. я получил звание *SS Sturmann* и, вскоре после этого, - первое осколочное ранение в лицо. В декабре я был ранен вторично – шрапнелью в мякоть за правым коленом. С этим ранением я был отправлен обратно в Польшу, при этом поездка заняла так много времени, что в ране завелись глисты. В госпитале под Варшавой мне посчастливилось принять ванную, помыться, побриться и сменить форму в первый раз, начиная с октября. Ее выбросили санитары, потому что она была полна вшей... Вообще, что касается снабжения, мы были в конце цепочки по отношению ко всему, включая одежду, снаряжение и технику. Новая форма на фронте сначала доставалась штабным, затем распределение шло в бронетанковые подразделения, а мотопехоте доставались остатки...

Лето 1941-го. Дивизия Das Reich на марше через горящую белорусскую деревню...

В январе 1942 меня выписали из госпиталя, и я получил отпуск, чтобы навестить свою семью в Берлине. После отпуска я попал в резервный батальон, и, так как я все еще считался неготовым по состоянию здоровья к возвращению на фронт, меня отправили в оружейную мастерскую и частично задействовали в качестве инструктора для солдат инженерного взвода. По возвращении во 2-ю Бронетанковую Дивизию SS (Panzer Division) *Das Reich* я служил в своем полку весь 1942 г. В феврале 1943 г. я получил отпуск, когда моему командиру стало известно о кончине моего отца. В конце 1943 г. я получил еще оно ранение в правую ногу, из-за которого сейчас хожу с тростью. Наш санитарный поезд по дороге в Польшу был атакован русскими партизанами, в результате чего несколько раненых были убиты, но мне повезло, и мы сумели добраться до госпиталя... В январе 1944 г. мне удалось навестить мать. К этому времени город уже постоянно бомбили, и с моей помощью мать перебралась в Силезию к родственникам. Ну а я вернулся в госпиталь для воздоравливающих, еще лечился и, в итоге, был признан годным для фронта. Однако, неожидано пришел приказ о моем зачислении в офицерскую школу в г. Joesefstadt (Судеты), но мне удалось отклонить предложение и получить направление в свою часть.

Эсэсовцы сдаются в плен советским солдатам...

В Нормандии

В июле 1944-го я, в конечном итоге, добрался то своей 2-й Дивизии SS, которая в тот момент принимала участие в жестоких оборонительных боях в Нормандии. У американцев было столько самолетов, что в светлое время суток вообще нельзя было пошевелиться! Ну а в августе, во время отступления к Сене, я и мой товарищ оказались в окружении за линией фронта на территории, занятой британцами. Нам пришлось сдаться британскому санитару. Припоминаю, что, зная о нашей принадлежности к Waffen-SS, британцы вели себя нервозно, и к нашим затылкам были постоянно приставлены стволы автоматов... Однако, в пункте сбора военнопленных к нам отнеслись вполне нормально и даже дали чаю с молоком и с сахаром. Далее мой путь лежал в Англию в лагерь для военнопленных, где у нас отобрали все – нашу униформу и даже наручные часы... Из лагеря я освободился в 1948 г. и узнал, что моя мать попала в русский концлагерь, потому что на стене ее комнаты они увидели мою фотографию в форме Waffen-SS. Она пропала без вести еще до того, как я вернулся в Германию.

В этой церкви французского городка Орадур солдаты полка Der Fuhrer дивизии Das Reich сожгли более 400 женщин и детей в мае 1944 г. Об этом ветеран Waffen-SS предпочел не вспоминать...

Заключительное слово

Вот что еще хочу сказать. После всего, что я прошел на фронтах ВМВ, я не пожелаю своему внуку или чьему-либо сыну испытать то же самое. Я готов сделать все, что только возможно, чтобы мои внуки так и не узнали, что такое война...

Интервью взято с сайта
http://www.panzergrenadier.net/forum/viewtopic.php?f=6&t=11041&p=102733

Ранее публиковалось на сайте www.warspot.ru

Возврат на главную страницу www.warsstory.org